

25.3.2000.

Баринов Владимир

— Как змеелова занесло в фотобизнес?
— Я же художник! Учился в институте бытового обслуживания по специальности "художник-модельер". Арендую старое ателье, и мы стали шить одежду на заказ. Потом случай свел меня со змееловами. Именно там, в пустынях, я делал свои первые зарисовки и ментал создал когда-нибудь шедевр.

— Но почему именно фотография?
— Я долго думал, как мне выразить то, что я вижу и чувствую... Фотография демократична, ты сам выполняешь сразу несколько функций: оператора, художника, костюмера, светотехника и сценариста. Я не отношусь к тем людям, которые просто нажимают на кнопку (таких называют "щелкунчики"). Я сам придумываю кадр, "выращиваю" его.

— Кого ты больше любишь снимать: женщин, детей или животных?

— Стариков. У них особые лица и глаза. В них все сказано. А вот с молодыми труднее. Я отношу себя к фотографам-портретистам: занимаюсь исключительно людьми. Моя задача — вытащить наружу их Я.

— У кого ты этому учился?

— Есть такой известный фотограф Владимир Борода. Это легендарный человек. Его отношение к работе, вся его жизнь — для меня пример.

— Фотограф — прибыльная профессия?

— С какой стороны посмотреть. Если снимать семейные портреты олигархов или наших звезд, можно заработать. А если рассматривать фотографию как некий творческий продукт — убыточно. Это же вложенные душа, настроение, мысли!

В России фотоиндустрия только набирает ход. К сожалению, молодые сейчас мало читают книг, видят только журналы. На всю Россию нет ни одного высшего учебного заведения для фотографов! Только журфак МГУ, где лекции читают преподаватели с операторского факультета ВГИКа.

У нас на всю страну нет ни одного банка лиц! Приходится чуть ли не по улицам ходить, искать. О чем можно говорить, когда для рекламы сигарет не смогли в России найти солнечную поляну и специально для этого выезжали на Кипр? И это не единственный случай.

— А ты дорогой фотограф?

— Цена определяется затратами усилиями. Я не заказной фотограф. Я не могу делать вещи, которые мне неприятны. Мне никто не диктует, как делать. Последняя моя работа — фотоимидж для коллекции Игоря Чапурина, мне это интересно. Почему я делаю альбомы, календари, книги? Это позволяет нелинейно подходить к работе, не опираться на форматы и конъюнктуру.

К сожалению, в творчестве мало родить продукт, ему еще надо дать жизнь. Вот это самое сложное. Есть фотографии, которые продают свои работы и по 7 тысяч долларов, и по 20. Почему в театре балерин много, а прима одна?

— Потому что она спит с директором...

— Не факт! И как правило не факт. Не она одна спит. К тому же он за нее танцевать не будет. Просто есть люди — солисты по определению, а есть кордебалет. Это те, кто психологически не готов стать главным. Им достаточно того, что они уже сделали.

Большое счастье, когда у тебя есть свой стиль, своя фишка. Когда ты один можешь это сделать, и больше никто. Например, реклама в исполнении Ричарда Аведона, классика современной фотографии, — искусство. Недавно на аукционе Кристис какую-то фотографию купили за 600 тысяч

На гладкой поверхности черного чудовища вспыхнул красный огонек.

— Началось... — подумала она.

— Ты это делаешь впервые?

— Угу.

— Ну, раздевайся, садись. Сейчас мы тебе сделаем другую голову. Ты себя не узнаешь...

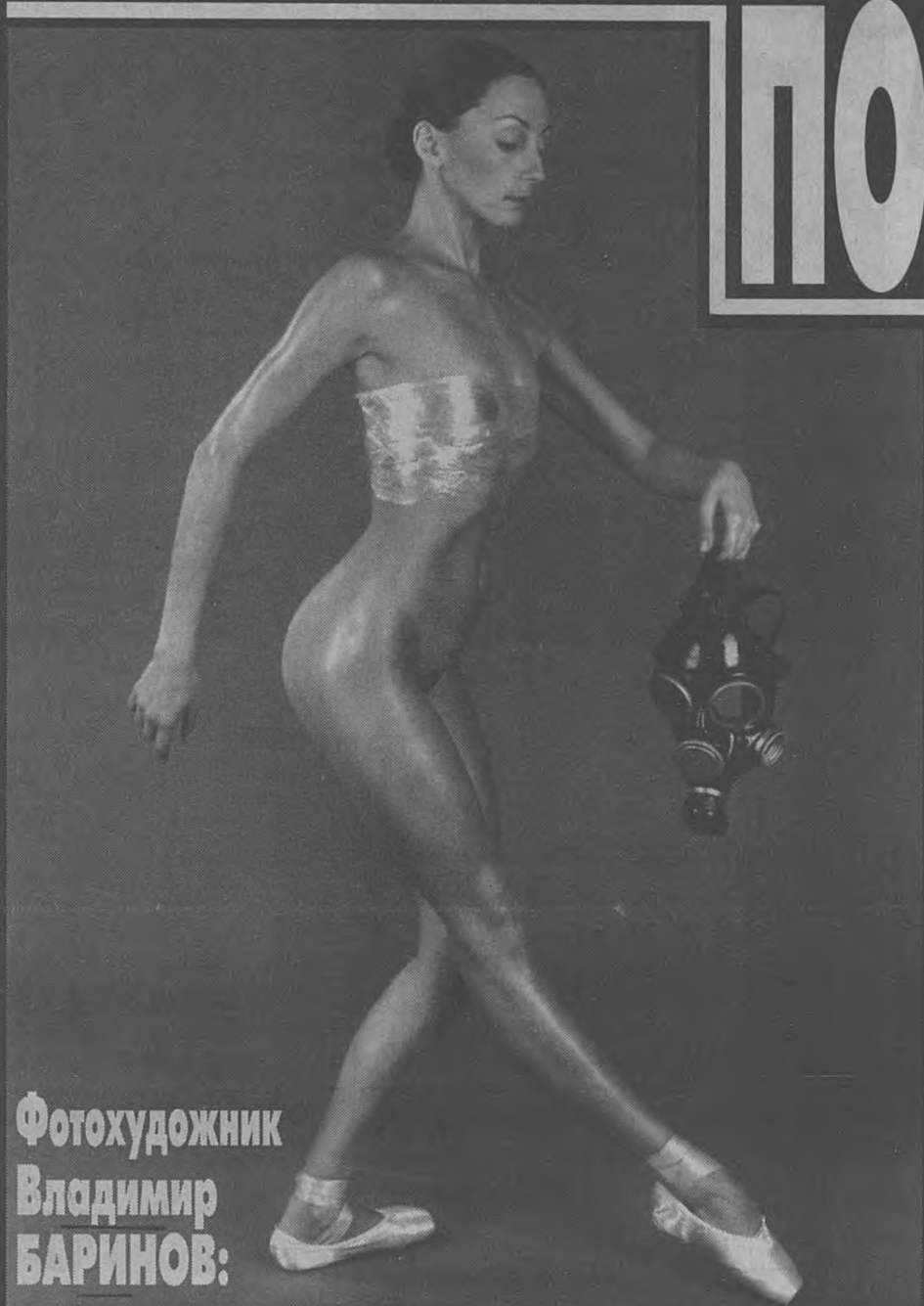
Это не триллер, не эротическое кино. Обычная фотосъемка.

Фотограф сегодня — профессия престижная. Она дает пропуск на модные тусовки, открывает двери во многие гостиные, дарит знакомства с известными людьми. Владимира Баринова хорошо знают банкиры, модели, актеры, циркачи и... бомжи. Он начинал с собственного ателье по пошиву одежды, потом неожиданно стал змееловом. Теперь — владелец шикарной студии, член-корреспондент Английской фотоакадемии. Его работы украшают обложки гляцевых журналов.

КАМЕРА

ПОПЫТОК

Фотохудожник
Владимир
БАРИНОВ:

Мои фотографии провоцируют работу ума, а не органа...

долларов. Я во многих наших кафе и ресторанах вижу фото на стенах, а в углу цена — 30—40 долларов. Это смешно и унижительно! Чтобы этого не было, должно быть галерей штук двадцать только на одной Тверской.

У Айда Салаховой на стене висит фотография, которую она купила за границей у суперраскрученного фотографа за 4 тысячи долларов! Я могу показать десяток отечественных профессионалов, которые снимут гораздо лучше, но их никто не знает.

У русской фотографии замечательные традиции. Бродович, эмигрировавший в Америку, вырастил всех американских звезд фотоискусства...

— Портретисту интереснее работать с красивым человеком?

— Что есть красота? Для меня это человек, который выделяется на фоне других. И что такое фотогеничность? Это определенная мышечная способность. От того, как вы умеете работать с мышцами своего лица, зависит ваша фотогеничность. Бывает, очень красивый человек перед камерой так сжимается, что лицо искажается. А бывает, "серая лошадка" мобилизует свое лицо — и оно становится выразительным. Моя задача — спровоцировать душевные переживания человека, чтобы получить то лицо, которое я хочу.

На фотографии легко сделать любую простушку красивой. Поставил прямой свет, когда лицо — как блин, видны только глаза и губы. Всё. Красавица. Поэтому я не снимаю наших звезд. Им нужно

свои недостатки скрыть, а я хочу показать их не много с другой стороны.

— Среди фотографов — большая конкуренция?

— Существуют банкетные папарацци; театральные фотографы; фотографы моды, снимающие только одежду или только аксессуары; натюрмортные фотографы; даже те, которые снимают только продукты. Это же целое искусство: вкусно снять кусок мяса или батон хлеба. Есть еще такое понятие, как тестовая съемка, это фотографии для портфолио. Многие наши так называемые фотохудожники сделали этот вид съемки основным заработком. Приходит к ним девочка, платит пятьсот баксов за сеанс, и не важно, что параметры у нее далеки от модельных. Фотографов моды у нас очень много, но раскрученных имен — два-три, у них даже студии в одном здании находятся. Почему-то так получилось, что наш фотобизнес развивался одновременно с развитием нашей эстрады.

Здесь воровство — нормальная практика. "Уводят" друг у друга заказы, идеи, модели. Иногда ты приносишь идею в редакцию, тебе говорят: "Парень, это слишком закручено!" А через два месяца видишь свои снимки, но выполненные другим фотографом, в том самом журнале...

— Ты снимаешь очень известных людей. Как они ведут себя перед камерой? Часто ли комплексуют?

— Будет непорядочно, если я сейчас начну рассказывать, у кого какие недостатки. Много комп-

лексов у актеров. Они все время играют, им сложно уже стать собой.

По опыту общения с разными женщинами могу сказать: чем она красивее и умнее, тем несчастнее и закомплексованнее. Умная хочет, чтобы ее любили не за длинные ноги, а за человеческие качества. Я тебе могу честно сказать: ни один мужчина не видит в красивой женщине личность. Никогда. Она для него в первую очередь — красивая вещь. Есть исключения, но они лишь подтверждают правило.

— Как проходит съемка? Модель гримируется, она принимает разные позы, делают несколько снимков — и выбирают лучший?

— У меня свой подход к съемке. Мне нужно узнать свою модель, почувствовать. Здесь нужно взаимное доверие. Нужно, чтобы человек доверился тебе в свою зону. Я предпочитаю работать наедине с моделью, хотя часто бойфренды хотят контролировать процесс. В таком случае я отказываюсь от съемки.

Ко мне нельзя прийти пустым, а у моделей очень потребительское отношение к съемке. Они часто приходят выжатые, как лимон, да еще с таким видом: "Снимай быстрее, мне еще на свидание нужно". Я так не работаю.

Во время работы я постоянно разговариваю с моделью. Ты знаешь, я слышу такие вещи! Я понимаю после этого многое, например, картины Тарантино. Когда два киллера едут на убийство и по дороге говорят о всякой чепухе. Некоторые люди во время съемки плачут, некоторые испытывают что-то похожее на оргазм. Это ведь психологический процесс, который требует мобилизации всех способностей.

— Сегодня фотографов часто изображают этими ловеласами, соблазняющими своих моделей. В жизни подобное действительно происходит?

— Да, есть такие фотографы, которым, чтобы почувствовать вдохновение, необходимо влюбиться в своих моделей. Некоторые не выдерживают соблазна — слишком много красивых девушек рядом. Я влюбляюсь уже потом. В фотографию. Но когда я работаю, ни о каких чувствах не может быть речи. Художник ведь не рассматривает натурщицу как сексуальный объект. Для меня модель — глина, из которой я что-то леплю. Некоторые девушки обижаются, что я не реагирую на них... Ну, и потом... У меня семья, красивая жена.

— Модели не ревнуют друг друга?

— Конечно, когда у тебя появляется новая модель, другие обижаются. Но я работаю не только и не столько с профессионалками. Это может быть любой человек с улицы, который мне чем-то понравился. Вот сейчас есть идея снять историю любви двух бомжей.

— Ты считаешь, наши модели достаточно профессиональны?

— До западных, конечно, не дотягивают. У нас нет такой школы. Посмотри на знаменитых топ-моделей! Они никогда не позволяют себе расслабиться. Постоянная улыбка. На любом приеме, когда все едят, они не будут жевать, потому что на фото могут получиться кривые лица. Они работают сразу на несколько камер. Это высший класс! Когда я снимал Наоми, Грэйс Джонс (чернокожая актриса и модель), Чаку Хан (известная американская певица), я просто офигевал от их энергетике, умения "снять" камеру.

— У эротической съемки есть свои особенности?

— Эротика — что-то доступное, меня же интересуют недостижимые женщины. Тут мало прикладывать лед к соскам. Возбуждение должно быть настоящим, тогда его видно в глазах. Мои фотографии не возбуждают, они провоцируют работу ума, а не члена.

Беседовала Марина ВЕЛИКАНОВА.
Работы фотохудожника Владимира БАРИНОВА
из календаря "PEOPLE".

P.S. Сами фотографии редко любят фотографироваться. Так что уговорить Баринова сняться для интервью нам не удалось...